Текст · 2 марта 2022, 13:36

Елизавета Нестерова,

«Вам здесь не могила». В Москве полицейские задержали двух женщин с пятью детьми за возложение цветов к украинскому посольству

Екатерина Гладкова-Завизион. «В автозаке слышу ор своих детей»

Сложно сказать, пошла бы я туда, если бы знала, как все случится. Я считаю, что история не имеет сослагательного наклонения. Тут уж как есть — так есть. Но мне ужасно жаль, что это такая травма для детей. И как бы я ни старалась сейчас смягчить, утеплить, загладить, объяснить, я понимаю, что вот этот шок, когда маму на твоих глазах скручивают, остался. И это для меня, конечно, болезненно, мне ужасно жаль, что это им пришлось пережить.

Наверное, правильнее для безопасности моей семьи было бы молчать и никуда не ходить. Но я просто больше не смогла. Я получила очередное сообщение от моей Гаянэ из Киева о том, что она — миролюбивая, добрая, дорогая мне женщина — сидит под столом на всякий случай. Это мой очень близкий человек, моя психолог, которая помогла мне пройти через развод, которая каждую неделю была на связи в течение многих лет. Это не родня, и в то же время невероятно родной человек. И это взрослая женщина, она уже бабушка, при том, что она — невероятная красавица, но ей уже за пятьдесят лет. И, конечно, когда я слышу от нее, что она сидит под столом... И я знаю, что ей важно знать про нас. И она говорит: «Спасибо. Мы так

благодарны, нас это так поддерживают, что вы тоже против».

Намерения у нас были самые миролюбивые — положить цветы в память погибшим мирным жителям и детям в Украине, чтобы они красиво лежали в память о прекрасных, ни в чем не виноватых людях. И снять немного видео с самодельными детскими плакатами для моей Гаянэ, для всего украинского народа. Чтобы поддержать, чтобы сказать, что нам не безразлично, что мы тоже умираем здесь от горя и боли.

У посольства ни одного человека, кроме нас. И несколько автозаков, сирены, полицейские. Цветы нам предложили положить к какому-то темному заборчику дома напротив. Мы стали говорить, что это неправильно, здесь посольство, и мы хотим положить их именно здесь. Пусть не у самой стены, но хотя бы у решеток, выставленных по периметру. Попытались красиво разложить наши шикарные розы и тюльпаны, купленные с огромной любовью. Но доблестные сотрудники их немедленно сгребли ногами.

И на мои слова, что как же так, там такое горе, меня скрутили на глазах моих детей и потащили в автозак. Я не была к этому готова. Я даже не проговорила с детьми такой вариант развития событий. Дети отчаянно завопили. Я стала умолять сотрудников остановиться, дать мне успокоить детей, но они не слушали меня.

Грубейшим образом меня, женщину, мать, мирного человека, втолкали в автозак и закрыли за дверью

с решеткой. А снаружи отчаянно орали мои дети. Боже, эти несколько минут я не забуду никогда. Они меня тащили, нагибали низко голову. Это был трэш, потому что я им сразу дала понять, что сейчас я упираюсь не потому, что меня куда-то тащат, а потому, что я умоляла, ну дайте мне детей успокоить. Потому что, представляете, на их глазах родную маму скручивают и куда-то тащат. Я не знаю, что им в головы вбивают, но они прямо в этот автозак, за решетку, за дверь с решеткой, они меня туда пнули.

В тамбуре на входе свет выключили. То есть темнота, я не понимаю, что там за дверью. Я слышу ор своих детей. Потом сотрудники завели в автозак всех, дети бросились ко мне, а я за решеткой. [Дочка] Соня в истерике. Я стала успокаивать, пытаться объяснить, держать через решетку за руку. Через какое-то время меня выпустили из-за решетки, разрешили сесть с детьми и нас повезли в ОВД «Пресненское». Меня, мою подругу Олю и пятерых наших детей. Я непрерывно успокаивала их, говорила, что мы вместе, в безопасности. Хотя сама в это уже не верила.

В ОВД мы пробыли четыре часа. В целом обращались с нами там уже более-менее нормально. Кричали на меня только, когда я смотрела в телефон, пытаюсь что-то ответить шокированным родным и друзьям. Ну и я очень перепугалась, когда меня начали расспрашивать про «причины причинения вреда жизни и здоровью детей». Я реально испугалась, что мне может угрожать лишение родительских прав, и в панике начала писать друзьям. Но напрямую мне никто этим не угрожал. На нас составили протоколы, будет суд.

Сейчас дети спят. Они вроде бы раз и уже переключились на что-то хорошее, на игру, но вы же понимаете, это детская психика, она так не всегда это показывает. Я думаю, след это, конечно, оставит. И мне жаль, и я буду стараться с этим что-то делать.

Но сейчас еще они имеют маму на грани нервного срыва, потому что я ношусь и не знаю, куда мне бежать: в банк деньги снимать, какие-то документы делать, потому что у заграна младшей дочки уже истекший срок. Поэтому их психологическому состоянию в этом плане не позавидуешь, потому что ребенку что нужно? Спокойная счастливая мама.

У меня всегда был такой подход, что детей надо оградить от этого, они должны видеть, что они могут опереться на своего взрослого, что у взрослого все под контролем. Сейчас я уже не могу, в том плане, что я уже могу при них заплакать, совершенно не могу сдержаться, да и не успеваю какие-то бытовые вещи делать. Все эти переживания на них, конечно, тоже отражаются. Но что делать в такое время?

Ольга Альтер. «Все это чудовищно, а дети наши, конечно, это понимают»

Все было огорожено железными ограждениями, поэтому мы встали рядышком. Дети достали свои рисунки, мои хотели их положить рядом с цветами. Катины дети достали свои [плакаты], Катя сказала: «Нет войне», — а они подхватили. И на это все полицейские, кстати, спокойно реагировали, а вот когда мы положили цветы — их это уже повергло даже не знаю во что.

Не знаю, чем так ужасен именно этот жест. Мы же на 9 мая кладем с детьми цветы — независимо от национальностей, кто погиб, так же и здесь. Тем более когда гибнут и страдают все, и у нас у всех там родственники, друзья. И вообще все это чудовищно, а дети наши, конечно, это все также понимают.

Мы так и не смогли договориться, чтобы нас пустили к посольству через ограждения, поэтому я просто под ограждения положила цветы, полицейский отодвинул тогда забор, стал их топтать и говорить: «Вам здесь не могила, я не на могиле работаю». И в этот момент началась заварушка с Катей, я даже не успела отследить. Когда я обернулась, ее уже вели, очень жестко.

Дети побежали за Катей, я тоже пошла — спокойно, без сопротивлений. Но когда Катю прям запихнули в зак, стояло несколько полицейских, ее загораживая, — конечно, дети перепугались, ее девочка маленькая перепугалась, закричала. Я в этот момент тоже перепугалась, что ее увезут, что у детей уже истерика от того, что они просто не видят маму. Я стала кричать: «Это ее дети, вы не можете их разлучать». На это они ответили: «Ну тогда и пройдемте».

Мы все зашли, и тут у детей еще раз случилась истерика, когда они увидели маму не просто в автозаке, а в автозаке за решеткой. И только после этого, когда они увидели реакцию детей, минут, наверное, через пять, они ее хотя бы из-за решетки выпустили к детям. Хотя бы можно было обнять своего ребенка, успокоить и так вместе поехать.

Нас привезли, сфотографировали, взяли у нас все документы, от отпечатков пальцев я отказалась, кажется, писала письменный отказ. Сначала отвели на пятый этаж, видимо, там сначала завели [административное] дело на нас. Мы ждали долго в коридоре, они вынесли детям стулья, потому что там был только один стул. Когда нам принесли еще стулья, чтобы успокоить детей, я стала им читать сказки.

Потом мы спустились вниз [в отдел] по делам несовершеннолетних — я была в одном большом кабинете, Катя в другом. Ее переводили из кабинета в кабинет, поэтому сначала мы были не вместе, у нас с ней были два разных инспектора уже в отделе по делам несовершеннолетних. Пока она перемещалась из кабинета в кабинет, ее дети были со мной.

На нас обеих составили протоколы — административное правонарушение и то, что мы подвергли угрозе детей. Хотя у нас даже сами дети говорят: «Какая угроза, если там были только полицейские?». Наши дети сами шутят о том, где тут вообще безопасное место теперь.

В конце девушка нам прочла лекцию о том, что выводя детей на массовые мероприятия, мы подвергаем их риску. Я ей говорю: «Девушка, мы тут взрослые люди, давайте не будем, вы же понимаете, что там никаких толп не было, были только мы. Я на митинги детей не вожу». А она нам что на это могла ответить? Сказала: «Ну я должна была вам это прочесть», — то есть формально, скорее, отнеслась.

Моего мужа Арсения за пару дней до этого тоже задержали, когда он выходил из метро. Он шел на акцию антивоенную, да, и не скрывал этого, но никуда дойти не успел и ничего сказать не успел, его прямо на выходе из метро задержали.

Еще позавчера утром мне с младшим ребенком пришлось ехать в суд, старшие были в школе. Я сначала одну знакомую попросила остаться с младшим, но он сказал: «Нет, мамочка, я с тобой». А мне просто нужно было передать документы для суда.

Ночь Арсений провел в ОВД, а утром его повезли в суд — в эти минуты я его, к счастью, поймала, и мы с сынишкой передали ему документы. Он вышел из суда где-то в обед, остальные, кто с ним был, выходили вечером, чуть ли не в десять часов. У всех штрафы — 15 тысяч.

Сейчас мы потихоньку отходим. Я держусь, но понятно, что стресс, он сказывается на всех. Старшие дети держатся молодцом, младший, вроде, был веселый, но утром проснулся и сказал: «Мамочка, я так испугался».

Редактор: Агата Щеглова